

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-196-206

Самоубийства фермеров как индикатор аграрной трансформации в сельской Индии*

Л.А. Овчинцева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: ovchintseva-la@ranepa.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу доцента Центра политических исследований Института социальных наук университета имени Джавахарлала Неру (Дели, Индия) Судхира Кумара Сутара «Dilapidation of the Rural: Development, Politics and Farmer Suicides in India» («Распад сельской жизни: Развитие, политика и самоубийства фермеров в Индии»). Издательство «Palgrave Macmillan», 2022). В книге обозначены проблемы, с которыми столкнулись индийские крестьяне в процессе стимулированного государством перехода от традиционной общинной деревни к аграрному капитализму. Книга сочетает философский, социологический и политологический анализ причин и факторов высокого числа самоубийств среди мелких и средних фермеров в последние десятилетия. Самоубийства стали ярким проявлением социальных последствий развития капиталистических отношений в традиционной крестьянской деревне. В качестве других последствий в книге рассмотрены расслоение крестьян, рост индивидуализма и разобщенности, разрушение общинных институтов социального контроля и взаимной поддержки, политические протесты вплоть до бунтов, алкоголизация, наркомания и рост преступности. Неизбежные экономические реформы, очевидно, требуют компенсирующих мер социальной политики.

Ключевые слова: индийские фермеры; аграрная трансформация; самоубийства; разложение сельского сообщества

Основную идею рецензируемой книги можно сформулировать следующим образом: доказательством того, что в процессе сельскохозяйственной трансформации индийские крестьяне столкнулись с непреодолимыми проблемами, является высокое число самоубийств среди мелких фермеров. По данным Национального статистического бюро Индии, ежегодно кончают жизнь самоубийством от 11 до 15 тысяч человек, в начале 2000-х годов эта цифра достигала 18 тысяч, а всего с 1995 года таким образом погибли более 270 тысяч фермеров (С. 2). Органы национальной статистики Индии даже изменили классификацию сельских жителей, расширив число категорий и выделив из фермеров сельскохозяйственных рабочих, чтобы хотя бы формально

*© Овчинцева Л.А., 2023

Статья поступила 20.10.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

уменьшить число самоубийств среди фермеров, но, естественно, число самоубийств среди сельскохозяйственных рабочих выросло.

В отличие от ряда исследователей этой темы [см., напр.: 10], С.К. Сутар подчеркивает, что самоубийство не считается в Индии традиционным или достойным способом ухода от проблем. Сознательный отказ от жизни — это поступок наивысшего отчаяния, и Сутар пытается понять экономические, социальные и психологические причины, толкающие фермеров к суициду. Высокий уровень самоубийств среди фермеров ставит под сомнение успешность аграрной политики, несмотря на то, что в целом наблюдается рост производительности труда и выпуска продукции сельского хозяйства.

Автор отмечает, что среди фермеров самоубийства чаще всего совершаются в крестьянских семьях, владеющих небольшими участками земли, обремененных кредитами и специализирующихся на выращивании тех товарных культур, которые наиболее подвержены ущербу в случае засухи. Эти выводы коррелируют с утверждениями других исследователей [см., напр.: 9], считавших, что в группе наивысшего риска самоубийств находятся главы фермерских хозяйств, обрабатывающих земельные участки площадью менее одного гектара, имевших долги более 300 рупий и выращивавших хлопок и кофе.

Однако экономические причины не дают исчерпывающего объяснения феномена самоубийств среди фермеров. Ведение крестьянского хозяйства не входит в число самых доходных видов деятельности, но мелкие крестьяне составляют около 70 % аграрного населения Индии. Расходы на ведение хозяйства постоянно растут, а диверсификация источников доходов и выбор альтернативных форм занятости повсеместно ограничен, но все эти сложности существовали в сельском хозяйстве в Индии на протяжении веков [см., напр.: 8]. Сторонники чисто экономического подхода и количественных исследований называют в качестве основных причин самоубийства фермеров неурожай, долги и кредиты, рост цен, проблемы в семье, нехватку средств для организации свадеб, хронические болезни и т.д. [см., напр.: 15]. Автор же задается справедливым вопросом: что же изменилось за последние несколько десятилетий и привело к тому, что фермерам становится все труднее психологически справляться с долгами, неурожаями и отсутствием дождей?

Чтобы ответить на этот вопрос, автор провел сравнительный анализ обширной литературы и статистических данных, дополнив их собственным исследованием — опросил членов семей, пострадавших от самоубийства родственников: он провел 150 интервью в трех штатах — Пенджаб, Махараштра и Уттар Прадеш. Выводы исследования носят междисциплинарный характер, относясь к предметному полю и социальной психологии, и культурологии, и экономики, и социологии, и политики сельского развития.

Первый важный вывод автора состоит в том, что, хотя «великая трансформация» (в трактовке К. Поланьи [4]) в Индии еще не завершена, индийская

деревня уже теряет свои сущностные основания и идентичность. Деревня воспринимается как хозяйственная сфера, отстающая в развитии от города, что и формирует почву для кризиса идентичности. Фундаментальные прежде понятия семьи, сельского сообщества и роли мужчины в семье и социуме постепенно меняются. В глубоко традиционном индийском сельском обществе роль мужчины как хранителя семьи, его статус, участие в защите традиционных ценностей и в коллективных делах сельской общины постепенно ослабевает. Разложение индийской деревни как социально-экономического пространства обусловлено постепенным распадом связей между сельской общиной, сельской семьей и фермером, что и ведет к снижению ценности самой идеи сельского сообщества. Процесс разрушения основ сельской жизни оказывает разнообразное воздействие на социокультурные группы деревенского социума, и история самоубийств фермеров — это история тех, кто не в состоянии справиться с этими изменениями и принять распад прежней сельской жизни. Деревня не только меняется экономически и социально, но и трансформируется в физическом, пространственном и концептуальном смысле.

Исследование Сутара фокусируется на том, как люди, живущие в районах, где наблюдалось большое число самоубийств, воспринимают себя и изменяющуюся деревню. Постепенное распад прежней сельской жизни носит структурный характер и имеет серьезные последствия для поведения и самооценки в сельском обществе. Феномен самоубийства фермеров автор объясняет, показывая связь структурных изменений в сельской местности с трансформацией самоидентификации ее жителей. Для понимания реального положения индийских крестьян автор исследует их взаимоотношения с чиновниками, друг с другом, в семьях и кругах общения, складывающихся на основе пола, возраста и родства, с государством и на рынках товаров и рабочей силы.

Большинство людей, живущих в сельской местности, включая фермеров, приняли переход к аграрному капитализму и включились в процесс перемен. Одни семьи переехали в близлежащие города или крупные городские агломерации, другие семьи отправили молодежь за пределы деревни, третьи остались и открыли небольшой бизнес. Но есть те, чьи надежды, планы и мечты все еще связаны с деревней, ее общиной и традициями, и для них переход к аграрному капитализму оказался предельно сложным. По сути, они застряли в этом переходе — им трудно идти вперед, но и назад они вернуться уже не могут. Для таких крестьян Сутар вводит особую категорию — «каста (и/или класс) крестьян в состоянии перехода» (*intermediary caste-class “peasant in transition”* — С. 31), в качестве которых могут выступать как семьи, так и отдельные лица, — они и находятся в фокусе исследования.

Автор внимательно изучает истории тех, кто не в состоянии смириться с трансформацией не только по экономическим причинам (отсутствие прибыли или долги). Переход подразумевает особое самоощущение людей в рам-

ках социальной реальности, которой, по сути, больше не существует. Тысячи фермеров, совершивших за последние два десятилетия самоубийства в сельских районах Индии, являют собой наиболее трагическое проявление этой непрерывной психологической борьбы с переходным периодом. Есть фермеры, которые чувствуют, что в меняющейся среде они теряют все, но пытаются найти свой путь в деревне, в ее общественной жизни или в кругу привычных дружеских связей. Для них трансформировавшаяся деревня связана с чувством ностальгии, с тоской по жизни, которая когда-то была, но теперь ее больше нет. В беседах с семьями фермеров, покончивших с собой, автор смог ощутить это горькое чувство перемен, связанное с потерями и страданиями в процессе социально-экономического перехода.

Другим важным фактором переходного периода автор считает политику — и государственный курс по отношению к деревне, и вовлечение крестьян в орбиту деятельности различных политических партий, ведущих борьбу за голоса сельских избирателей, что порой нарушает сложившиеся традиционные круги общения односельчан. Сутар понимает под политикой и социальную активность, и процесс разрушения или создания социальных пространств, которые, соответственно, нарушают или формируют чувство включенности (изолированности) индивидуума в сельском сообществе. Этот процесс не является механическим, работающим по известным правилам — можно наблюдать влияние государства и взаимодействие крестьян с местной бюрократией, банковскими чиновниками, членами партий или местными представителями партий. Возникающие взаимоотношения влияют на характер доступа к ресурсам, социальные пособия правительства и их распределение, а также имеют глубокие психологические последствия.

Некоторые западные исследователи утверждают, что большее включение в политические процессы помогает уменьшить психологический стресс, поскольку ощущение собственной эффективности способствует пониманию последствий политических процессов: люди участвуют в политике, чувствуют себя эффективными, и формируется гражданское общество — все это положительные перемены [см., напр.: 7]. Однако политика по развитию сельских районов нацелена на достижение более высоких показателей экономического роста, что меняет традиционные механизмы взаимной поддержки внутри сельских общин. Изменения, связанные с понятием развития и экономической трактовкой фермерства, избирательной политикой и новыми политическими институтами, меняют прежнее содержание крестьянского «габитуса», но не предлагают альтернативы, чтобы заполнить вакуум, возникающий вследствие изменений в социальных слоях деревни. Политические меры обуславливают разные поведенческие реакции в разных слоях сельского общества, что порождает и психологические последствия, которые упускают из виду большинство исследований трансформации в сельской местности.

Благодаря вовлечению жителей села в политику в Индии было обеспечено представительство в органах управления большинства слоев сельского общества, но это также привело к маргинализации тех групп, которые не смогли стать активными участниками перемен. Политические веяния сформировали новые общественные образы, к которым каждый как бы должен стремиться. А у тех, кто «не в тренде», эти веяния привели к снижению самоуважения, кризису самоидентификации и возникновению чувства стыда. Такой поведенческий сдвиг происходит вследствие ощущения крестьянами своей неспособности выполнять новые обязанности и роли, которые сложились в новых социально-экономических условиях.

Из бесед с членами крестьянских семей, потерявших близкого человека, и с другими членами деревенской общины автор делает вывод, что прежде существовало нечто такое, что постепенно исчезает, — выраженное чувство ностальгии было заметно на лицах членов скорбящих семей. Постепенное изменение характера деревенских общественных практик вызывает ощущение утраты, это чувство порождает психологический вакуум, делая членов сельской общины беспомощными, отчаявшимися и одинокими. Общественные сельские практики играли определяющую роль в формировании чувства принадлежности и даже дружбы у членов деревенского социума, создавали ощущение поддержки в случае чрезвычайных ситуаций. Исчезновение таких практик приводит к постепенному исчезновению чувства коллективности, оставляет индивидов наедине с самим собой. Иными словами, сдвиг в сторону индивидуализации сельской социальной жизни стал одной из основных причин изменения поведения отдельных групп в селах Индии.

Ощущение безнадежности и краха по причине неспособности психологически справиться со структурными переменами испытывают не только индийские фермеры. Сутар приводит пример из сравнительного индийско-австралийского исследования: «Когда фермер сталкивается с необходимостью лишиться фермы или отказаться от профессии, которой он занимался всю жизнь, это имеет для него разрушительные последствия — он теряет свою идентичность» — это взволнованно сказала супруга одного фермера, стоя на крыльце своего дома в Симпсоне, небольшом городке в Австралии, штате Виктория, где многие традиционно занимались производством молока [11]. В России и других странах [см., напр.: 14] наблюдались схожие реакции среди сельских жителей, оказавшихся на обочине перехода от колхозно-совхозного строя к аграрному капитализму. Часть российского сельского населения отреагировала на перемены 1990-х годов не как на открывающиеся возможности, а как на разрушительные обстоятельства непреодолимой силы, справиться с которыми они не могут, что вызвало фрустрацию, способствовало обеднению и алкоголизации жителей села [см., напр.: 3].

Кризис маскулинности у индийских сельских фермеров проявляется в том, что их социальный статус снижается. Большинство фермеров, ушед-

ших из жизни под воздействием перемен, характеризовались родными и близкими как ответственные мужчины, семья воспринимала их как опору и защиту, как хранителей семейных ценностей. Но возникла ситуация, в которой мужчины почувствовали, что не могут больше соответствовать этой роли и оправдывать ожидания близких, — человек впадал в депрессию и в конце концов накладывал на себя руки.

Самоуважение для крестьянина — результат упорной борьбы за уважение и признание членов семьи и сообщества. Повышение статуса на основе сельской традиционной системы ценностей в структуре сообщества — цель и способ формирования самоуважения, с которым связана и идентичность крестьян. Но в процессе развития начинается поиск новых смыслов и идентичностей в рамках коллективных структур. Представим, что некий фермер пытается перенять новые способы ведения сельского хозяйства, как это делают другие, чтобы стать частью круга фермеров, которые уже изменили свою жизнь. Он также принимает новый образ жизни, перенимает новый стиль одежды, строит иначе свой дом, покупает телевизор и т.д. Важно и участие в политически окрашенных мероприятиях сообщества, которые составляют основу процесса перемен. Развитие предполагает множество способов, с помощью которых фермер пытается стать активным, влиятельным членом общины и деревенского сообщества в целом. Те, кто по той или иной причине не могут догнать других членов сообщества, чувствуют потерю возможности участвовать в делах сообщества наравне с другими. Неспособность пересмотреть свою роль в рамках новой парадигмы развития и потеря социального престижа приводят к чувству личной потери, вызывающему стресс. Как утверждает Дж. Скотт, «в каждой общине существуют ритуалы, и они указывают на положение человека и его семьи. Для свадеб, похорон, совершеннолетия, ежегодных религиозных церемоний существуют минимальные стандарты культурно приемлемого поведения. Не дотянуть до этого минимума значит не просто показать свою бедность; это значит опуститься ниже минимального положения в обществе. Это в некотором смысле потеря лица и полноправного членства в сообществе» [12].

Достижение материального достатка и демонстрация его на людях — один из традиционных способов утверждения мужественности. Большинство семей, где произошло самоубийство, имели чуть более высокий достаток, чем соседи, владели небольшим участком земли и пытались вести современное рыночное сельское хозяйство. В большинстве случаев (около 70 %) в этих семьях были дочери, т.е. стресс от экономического перехода и адаптации к новым формам хозяйствования здесь сочетается с традиционно высокой ответственностью за родственников. В сельской местности Индии дочери считаются самой большой личной ответственностью фермера: дочь, состоящая в счастливом браке, — достижение фермера, а противоположное — жизненный провал, поэтому подготовка к браку начинается с самого рождения

девочки. В последние несколько десятилетий двумя необходимыми условиями для счастливой семейной жизни стали постоянная работа жениха, желательно на государственной службе, и хорошее приданое (а это многолетняя семейная забота). Однако фермер может и не получить активной поддержки от родственников в поиске подходящей пары для подросшей дочери, и большинство семей, в которых произошло самоубийство, столкнулись с этой проблемой (С. 77).

В процессе перемен меняются сельские сообщества, а идентичность фермеров складывается из личного и общинного самосознания, в частности, на значение коллективной идентичности для экономической, политической и социальной динамики неоднократно указывал Т. Шанин [см., напр.: 13]. Изменения сельских сообществ носят как внешний, так и внутренний характер: развитие капитализма ведет к тому, что категория «крестьяне» уходит из аграрного дискурса, и крестьяне воспринимаются теперь как «работники сельского хозяйства», зависящие от землевладельца, торговца и даже, возможно, работодателя, потому что у менее зажиточных крестьян недостаточно земли как средства производства, они нуждаются в сбыте продукции, а если их доходы недостаточны, то работают по найму. Таким образом, крестьяне оказываются во все более подчиненном положении, и сельская община дифференцируется на все более контрастные слои по уровню дохода. На смену общинным дискуссиям приходят политические дебаты, поскольку партии в погоне за голосами избирателей все более втягивают жителей села в свои орбиты. Те, кто не хочет участвовать в политической жизни, также остаются за бортом, потому что при распределении субсидий или при обращении в органы власти по другой причине партийная принадлежность может сыграть свою роль. Те, кто «остались позади», все более подвержены изменениям в поведении: они не могут выразить свое чувство исключенности из сообщества, не видят перспектив для продвижения по социальной или экономической лестнице, часто находятся на грани эмоционального срыва.

В традиционной сельской общине Индии существовал институт *чаупал* — это общественное пространство, как правило, в центре деревни, доступное для всех слоев и каст. Более того, специальный этический кодекс обеспечивал участие в общественных мероприятиях представителей различных слоев и каст. В пространстве *чаупала* проходили традиционные ритуалы (свадьбы, похороны, религиозные празднества), которые всегда составляли ядро общественной жизни деревни, здесь же выполнялись общие сельскохозяйственные или ремесленные работы. Не было ничего необычного в том, что мужчины из разных семей или каст собираются и спорят по какому-то вопросу, может быть, даже слегка дерутся, а позже воссоединяются за чашкой чая. В последнее время вследствие оформления прав собственности на землю приходится нередко наблюдать, как физическое пространство *чаупалов* сужается, поскольку обычно оно находилось

в местах проживания высоких каст, например, под издревле растущим деревом вблизи дома самого зажиточного крестьянина в деревне. Свадьбы теперь проходят более обособленно, в своих группах, хотя раньше это был праздник всей деревни. Теперь же на *чаупалах* располагаются торговцы или проходят избирательные собрания: из пространства для обмена мнениями в кругу знакомых и относительно дружелюбных соседей *чаупал* превратился в шумное место, которого многие сторонятся, как, например, покончившие собой фермеры, которых все характеризовали как «хороших людей, поскольку они не ходили на все эти собрания». Сельские жители, особенно пожилые, стали расценивать общественные пространства как места, которых следует избегать (С. 66).

Сельские сообщества стали разобщенными: люди озлоблены и не хотят сотрудничать, повсеместно происходят повседневные конфликты из-за мелких проблем. Выборы фундаментальным образом раскололи сельское общество: люди, связанные с одной политической партией, не хотят взаимодействовать с другими группами, и партийная риторика строится вокруг традиционно преобладающих кастовых и родственных отношений, т.е. политика превращается в механизм, обеспечивающий доступ к развитию сельских районов и сельскохозяйственным услугам для нескольких групп или семей, исключая других и делая разные группы, по сути, врагами.

Члены тех домохозяйств, где случились самоубийства, считают, что в деревнях утрачено чувство общности и братства. Например, в Пенджабе респондент сообщил, что в прежние времена «фермеры брали займы у членов семьи и родственников, а теперь никто не хочет помогать другим». Вырисовывается картина, из которой ясно, что погибшие были лишены привычного социального общения, им было просто не с кем обсудить свои проблемы.

Характеризуя политический контекст происходящего, автор обозначает тренды индийской политики сельского развития с начала 1950-х годов, выделяя в ней несколько этапов (С. 111): с образования независимого индийского государства в 1950-е годы политика была направлена на развитие сельских общин, носила сбалансированный характер, поддержка институтов села носила планомерный характер; с 1960-х годов акцент сместился в сферу экономики — на повышение производительности труда, т.е. увеличились субсидии и кредиты, ставка была сделана на крупных фермеров; в 1970-е — 1980-е годы в фокусе политиков оказались не только экономические, но и социальные аспекты сельской жизни — борьба с бедностью, кастовое лидерство (некоторые политические партии носят откровенно кастовый характер); с 1985 года государство постепенно снижало свою регулирующую роль на селе, сосредоточившись на развитии городов, при этом Индия вступает в ВТО — сельское предпринимательство окрепло, но одновременно возросла роль неформаль-

ной экономики и гражданского общества; период с 2000 года по настоящее время — это вынужденный возврат государства к проблемам сельского развития (средства вкладываются в развитие инфраструктуры, образования и медицины), сельская местность рассматривается как потенциальный рынок сбыта товаров, растет число участников рынка, укрепляются сельские элиты и средний класс, развиваются модели частно-государственного партнерства. Приведенные этапы показывают, как постепенно развивались экономические и политические условия, повлекшие те изменения сельского социума, что привели к социальной изоляции определенных групп жителей села. Партнерами фермеров стали не сельские сообщества и сети социальной поддержки, а государство, рынок и банки.

В целом индийская государственная политика сельского развития перешла от вопросов строительства ирригационных сооружений, перераспределения земель и создания кооперативов к проблемам изменения климата и устойчивого развития, но фермеры на местах оказались под еще большим гнетом: институты взаимопомощи и натурального обмена отмирают, все сферы, в том числе водоснабжение и использование техники, переходят на товарно-денежную основу, но цены на продукцию сельского хозяйства остаются очень низкими. Фермерам приходится обращаться в банки за кредитами, а если не удастся отдать кредит в срок, то и к местным ростовщикам, т.е. фактически фермеры находятся под двойным долговым бременем. Сельское общество все больше становится обществом потребления: молодые люди, даже не имея средств, занимают их и тратят на развлечения, а бремя возврата долгов ложится на родителей-фермеров. В 2008 году в рамках Программы облегчения долгового бремени правительство Индии списало фермерам долги в размере 8,2 млрд американских долларов, что облегчило жизнь 36 млн фермеров. Но эта мера, по мнению Сутара, имела и негативные последствия: некоторые фермеры берут займы и не возвращают их, рассчитывая на повторное списание.

Реакция мелких фермеров на происходящие перемены носит острый характер. Самоубийства фермеров становятся катализатором массовых протестов и даже аграрных бунтов. В 2015–2016 годы ежегодно фиксировалось более 60 тысяч массовых беспорядков в сельских районах Индии. Эти протесты выражают горечь мелких фермеров от несбывшихся надежд — они хотят улучшения условий жизни на селе так же, как это происходит в городах. Проявлением стресса, связанного с проблемами перехода, является также рост потребления алкоголя и наркотиков, насилия. Все эти негативные явления имеют кумулятивный эффект и в некоторых индийских штатах обрели характер бедствия. Опрошенные фермеры указывают на разобщенность как одну из причин ухудшения социальной атмосферы: «Раньше в сельской местности люди заботились друг о друге. Они сочувствовали и сопереживали ближним в трудные времена. Сейчас все

изменилось. С появлением новых технологий и развлечений людей не интересует, кто чем занимается. Никто не приходит на помощь другим, даже если они этого просят».

Главным выводом автора книги является необходимость сделать центром аграрной политики повышение благосостояния конкретного человека: у успешного фермера, получающего доход от своего хозяйства, гораздо меньше шансов впасть в депрессию. Не менее важны возможности для общения: создание новых сельских общественных пространств, психологическое консультирование и телефоны доверия. От себя добавим, что необходимо и сельскохозяйственное консультирование, которое может подсказать фермеру пути повышения эффективности хозяйства в конкретных рыночных условиях.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Бернстайн Г. Политическая экономия аграрных изменений // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1.
2. Никулин А.М., Троцук И.В. Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) // Мир России. 2014. № 3.
3. Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // URL: <https://polit.ru/article/2004/04/07/poverty>.
4. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
5. Троцук И.В. Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3.
6. Форбруг А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1.
7. Bandura A. Self-Efficacy: The Exercise of Control. Worth Publishers, 1997.
8. Bhattacharya N. The Great Agrarian Conquest: The Colonial Reshaping of the Rural World. Albany, 2019.
9. Kennedy J., King L. The political economy of farmers' suicides in India: Indebted cash-crop farmers with marginal landholdings explain state-level variation in suicide rates // Global Health. 2014. Vol. 10. No. 16.
10. Patel V. et al. Suicide mortality in India: A nationally representative survey // Lancet. 2012. Vol. 379. No. 9834.
11. Ramadas S., Praveenlal K. Farmers' suicides and mental disorders perspective in research approaches — comparison between India and Australia // International Journal of Community Medicine and Public Health. 2017. Vol. 4. No. 2.
12. Scott J.C. Decoding Subaltern Politics. Ideology, Disguise and Resistance in Agrarian Politics. Routledge, 2013.
13. Shanin, T. Peasants and Peasant Societies. London, 1971.
14. Šljukić S., Šljukić M. Sociological aspects of the transformation of agrarian structure of Serbia in 1990–2018 // RUDN Journal of Sociology. 2019. Vol. 19. No. 2.
15. Vishal S. Farmer suicides: Points to consider // Issues in Agriculture. Punjab, 2016.

Farmers' suicides as an indicator of the agrarian transformation in rural India*

L.A. Ovchintseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: ovchintseva-la@ranepa.ru)

Abstract. The article is a review of the book by the Associate Professor of the Center for Political Studies of the Institute of Social Sciences of the Jawaharlal Nehru University (Delhi, India) Sudhir Kumar Sutar *Dilapidation of the Rural: Development, Politics and Farmer Suicides in India* (Palgrave Macmillan, 2022). The book considers the problems which the Indian peasants face under the state-driven transition from traditional rural community to agrarian capitalism. The book combines philosophical, sociological and political analysis of the causes and factors of the high number of suicides among medium-sized and small Indian farmers in recent decades. Suicides are the most striking manifestation of the social consequences of the capitalist development in the traditional communal peasant village. Among other consequences, the author considers rural social differentiation, growth of individualism and disunity, destruction of community institutions of support and social control, political protests up to riots, alcoholism, drug addiction, and rising crime rate. Thus, the inevitable economic reforms require compensatory measures of social policy.

Key words: Indian farmers; agrarian transformation; suicides; dilapidation of the rural community

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program

*© L.A. Ovchintseva, 2023

The article was submitted on 20.10.2022. The article was accepted on 10.12.2022.